Выйдя из театра, я вдруг услышала в растекавшейся зрительской толпе громкий, наставительно звучащий голос: «Когда куклы двигались по ширме — все было как надо, но вот когда актеры стали играть сами — это уж был ТЮЗ... (энергичный, досадливый взмах рукой). ТЮЗ — и больше ничего...» Бабушка после спектакля «объясняла» своей шестилетней внучке, что такое театр кукол. А я невольно вспомнила другой эпизод — недавнее обсуждение в том же театре. Молодой человек, зритель, заинтересованный только что прошедшим взрослым спектаклем, все не мог понять: как надо было воспринимать на сцене актеров в черных костюмах. Он их поначалу просто не замечал. («Вроде так принято в

свое и создают не просто спектакль в народном стиле, но комическую оперу (1) на материале русских народных сказок. И музыка (композитор Н. Буря), на которую, естественно, возлагаются здесь основные надежды, очень выручает. Она проста, выразительна, характерна и легко запоминается, хотя само определение «комическая опера» кажется мне в данном случае все-таки спорным.

Спектакль «Конек-Горбунок» по сказке П. Ершова, тоже решенный в открыто игровой манере (вновь актеры «в живом плане» присутствуют на сцене рядом с куклами), звучит уже куда более своеобразно. Это достигается какой-то удивительной ли-

стихией в мире, природе, в душе отдельного человека — такого вот, как красноармеец Петруха (артист Н. Байко) — и несут основную речевую, а отчасти и музыкальную нагрузку в спектакле. Театр, исходя из особенностей блоковского стиха, делает попытку прочесть поэму музыкально, сыграв ее «музыку» голосом, звуками самой жизни. И это, кстати сказать, одна из несомненных удач спектакля. Пение, причитания, свист ветра, изображаемый актерами, в синтезе с конкретными шумами и звуками (колоколов, шагающей роты, бубенцов, завывающей вьюги) создают насыщенный звуковой фон, в немалой степени способствующий передаче атмосферы поэмы (музыкальное оформление Н. Бурой).

◆ ТЕАТР

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА

кукольном театре»). А потом вдруг почувствовал, что в результате многое упускает. Актеры-то, оказывается, и без кукол играли. «Зачем же тогда куклы?» — все повторял он свой недоуменный вопрос.

К сожалению, подобная реакция в сегодняшнем театре кукол не редкость. Зрители заранее настроены на стереотип: ширму, маленьких, суетливо хлопочущих крикливых кукол, бесхитрое, примитивное действие. А что, если все иначе? Ведь искусство не стоит на месте. Почему же мы, зрители, так консервативны и не чутки, так категоричны порой в своих оценках?

Наши гости из Барнаула, о спектаклях которых и говорили те недоумевавшие зрители, привезли на суд свердловчан очень непростые и очень разные спектакли: от русских народных сказок, без которых не обошлась, наверное, ни одно детство (ну кто не знает «Курочку Рябу», «Колобок» или «Репку»!), до сложнейшей революционной поэмы Александра Блока «Двенадцать», не разгаданной до конца даже самыми тонкими исследователями литературы. А что сказать о язвительнейшей, остро современной повести — сказке В. Шукшина «Точка зрения» или о русской сказочной классике П. Ершова «Конек-Горбунок»? Амплитуда колоссальная! Тем не менее играет все это небольшая труппа, давая в день по два-три представления. А если добавить к сказанному, что названные спектакли, за исключением, пожалуй, «Коньча-Горбунка», не идут в других театрах кукол страны, то интерес к коллективу еще более возрастает.

Насколько же ново и своеобразно по существу то, что мы видим на сцене?

Спектакли театра для детей пронизаны ярко игровым народным колоритом. Однако этот великолепный прием становится, к сожалению, уж слишком расхожим в последнее время среди театров кукол. Опасность повторения здесь почти неизбежна. Не удастся уйти от нее и барнаульцам: в частности, в художественном решении спектакля «Жили-были дед и баба» (художник Б. Шербаков, постановщик — главный режиссер театра Е. Гимельфарб). Здесь вновь уже не раз виденные нами куклы, тщательно, с той или иной степенью остроумия стилизованные под игрушечные самодельки из подручных, домашних материалов.

Но барнаульцы все-таки стремятся найти во всем этом

рической интонацией, которую привносят в него взаимоотношения двух персонажей (их нет у П. Ершова) — двух скоморохов: лихого бородатого парня, довольного собой, своим делом и не подпускающего к нему другого — совсем мальчишку, вихрастого нескладеху, умеющего, однако, тонко чувствовать фантазера и поэта, без которого и сказка-то, наверное, не сказалась бы. Все это мы узнаем о них без слов (в спектакле звучит только подлинный ершовский текст), как бы в промежутках между картинами балаганного кукольного представления. Там возникает в спектакле второй, лирико-драматический план (хочется отметить при этом тонкие актерские работы Н. Байко и В. Самочкиной), возникает сложным контрапунктом первому, по сути, основному плану, существующему в куклах, но, к сожалению, проигрывающему, и не только чисто психологически (люди в психологии всегда сильнее кукол), но и изобразительно (художник С. Зайцев).

Спектакли для взрослых Алтайского театра кукол заслуживают, конечно, особого разговора. В рамках этого обзора удастся, наверное, сказать лишь о немногом.

Сложно было, идя на спектакль «Двенадцать» по поэме А. Блока, представить себе ее на сцене театра кукол, хотя наличие драматургической основы было замечено в ней очень рано. Уже в 1923 году появилась театрализованная обработка поэмы, сделанная Вл. Бугайским. При этом самой ощутимой трудностью оказалось драматургическое воплощение авторского голоса, в сложной полифонии взаимодействующего с голосами массы, коллектива и отдельных его представителей. Надо отдать должное создателям спектакля: они подошли к тексту поэмы достаточно бережно, передав речевой строй ее близко к замыслу автора, хотя есть в спектакле и спорные (в смысле распределения голосов) моменты, например, вся двенадцатая глава поэмы. Режиссер Е. Гимельфарб нашел выход, введя в спектакль персонажей, которые невозможны были бы, наверное, в любом другом театре, кроме такого, каким стал сегодня театр кукол (театр синтетический, в котором совершенно особое место занимают движение, пластика, в котором «играют» предметы и вещи, способные обращаться в символы и вновь возвращаться к исходному своему смыслу). Эти персонажи, обозначенные «ипостаси стихии», олицетворяют собой

Совершенно неординарно выглядит и финал спектакля. Обыкновенный человек с красным знаменем в руках становится по замыслу авторов символом святости и чистоты революции. А вот конец первого акта — оплакивание Каткиной смерти — кажется чересчур утяжеленным, растянутым. Не слишком удачен и сценический образ красноармейцев. Они — единый монолит (мысль авторов — противопоставить их мятущемуся двенадцатому — Петрухе — в общем понятна). Но монолит этот, решенный в статичных куклах больших размеров, все-таки не столько выигрывает, по сравнению с Петрухой, в своей стойкости и революционной непреклонности, сколько проигрывает ему в жизненности и динамике. Куклы же — представители старого мира, наоборот, настолько выразительны, что люди-актеры на их месте просто потерялись бы.

Второй спектакль барнаульцев для взрослых — сценический вариант повести-сказки В. Шукшина «Точка зрения». И вновь — размышления о самых больших вопросах: что есть жизнь и какую позицию в ней можно считать нравственной, а какую — нет. Сам Шукшин отвечал на это так: «Нравственность есть Правда». Театр ставит открыто публицистический спектакль, спектакль-спор, спектакль-диспут, обращаясь временами непосредственно к зрителям. И яркий, удивительный шукшинский текст, конечно же, действует, рождая смех в зале. Но спектакль вызывает и внутреннее сопротивление. В нем нет того, что было достигнуто в «Двенадцати» — точного попадания в стилистику автора. А проявилась это заметнее всего в приблизительности художественного решения спектакля (художник С. Столяров). К сожалению, опять приходится говорить об этом.

Гастроли Алтайского театра кукол завершены. Можно сказать, что они были интересными и насыщенными. Труппа театра, еще очень молодая — средний возраст актеров 25 лет, — оставила впечатление живого, с широкими возможностями творческого организма. А если не всегда во время гастролей заполнялся зал, то виной тому были чаще всего сами зрители, многие из которых даже и не представляют себе, как по-новому увлекательно сегодня это древнее искусство — театр кукол!

М. МЯСНИКОВА.